

БЫТИЕ И МИР: ОНТОЛОГИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛИЗМА А.А. КОЗЛОВА

М.А. Прасолов

*Воронежский
государственный
архитектурно-
строительный
университет*

*e-mail:
prasolovm@mail.ru*

Представитель русского метафизического персонализма, А.А. Козлов рассматривает понятие бытия как соотнесенность трех элементов сознания: сознания деятельности и состояний, сознания содержания деятельности и состояний, сознания субстанциального я. Козлов различает понятие бытия, мир и действительность. Бытие не может быть тождественно ничто, поэтому Козлов критикует онтологию Гегеля. Концепция бытия в философии Козлова есть онтологический оптимизм. Это персоналистическая разработка гипотез платоновского диалога «Парменид».

Ключевые слова: бытие, сознание, мир, действительность, субстанция, Я, метафизический персонализм.

«Философия отыскивает истинное и подлинное бытие»¹. Философия русского метафизического персонализма видела в проблеме бытия центральный вопрос метафизики и гносеологии². Русские персоналисты констатировали тот факт, что в современной им философии нет систематической разработки понятия бытия³. По их мнению, большинство философов не занимались исследованием значения понятия бытия, а говорили об этом «капитальном пункте» мимоходом. Философы рассуждали о существовании Бога, разных существ, атомов, материи, пространства, времени, но вопрос о том, *что значит существовать* был признан как бы не стоящим внимания. Что значит быть или существовать, предполагается всем известным. Однако, по мнению Козлова, грубая ошибка думать, будто «всякий знает (а не сознает!), что такое бытие»⁴. Итак, необходимо выяснить, что такое *бытие* вообще чего бы то ни было, поскольку «каково понятие бытия, таково и философская система, и наоборот»⁵.

Из числа русских персоналистов только А.А. Козлов выделил проблему бытия как самостоятельную задачу персоналистической философии. Кроме него можно назвать еще Е.А. Боброва. Однако Бобров пришел к осознанию задачи и определенному ее решению всецело под влиянием своего учителя Густава Тейхмюллера⁶. Ученик принял идеи учителя без существенных изменений, только постарался их применить к решению новых проблем. Надо сказать, что и Козлов испытал заметное влияние онтологии Тейхмюллера, в чем сам благодарно сознается⁷. Но Козлов самостоятельно

¹ Бобров Е.А. О понятии бытия. Казань, 1898. С. 3.

² Метафизическим персонализмом я называю направление в русской философии 2 пол. XIX – нач. XX в., которое обычно не совсем верно именуют «русским лейбнищанством/неолейбнищанством» и которое включает в себя таких философов, как А.А. Козлов, П.Е. Астафьев, Л.М. Лопатин, Н.В. Бугаев, Е.А. Бобров, С.А. Алексеев (Аскольдов). См.: Прасолов М.А. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. СПб.: Астернон, 2007.

³ Козлов А.А. Свое слово. Киев, 1889. №2. С. 5, 21-22; он же. Свое слово. Киев, 1890. №3. С. 68.

⁴ Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 30. С. 564.

⁵ Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 108.

⁶ Бобров Е.А. О понятии бытия. С. 4.

⁷ См.: Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // ВФП. 1894. Кн. 24, 25. Бобров считает, что, в сравнении с Тейхмюллером, Козлов «значительно упрощает решение проблемы бытия», но это мнение спорно. Просто Козлов оригинален в своем решении, а не следует слепо за кем бы то ни было. Это было не в характере русского мыслителя. Сам же Е.А. Бобров признается, что сочинения Козлова для большинства читателей полезнее, чем тяжелые и специальные тексты Тейхмюллера. Козлов излагает проблемы *ab ovo*, обстоятельно, спокойно, медлительно. Козлов «страстный боец», но «он не налетает на врага блестящей кавалерийской атакой, а дает ему

пришел к решениям в области онтологии, подтверждение которых потом обнаружил в сочинениях Тейхмюллера.

По убеждению Козлова, у людей есть критерий понимания бытия, не ясно создаваемый и строго не определенный. Чтобы на его основании прийти к понятию бытия, необходимо отрешиться от ходячих мнений, возбудить в себе способность скептического отношения к собственным мнениям. Отрешение от условных взглядов не равно, однако, отрешению от сознания⁸.

В области сознания нельзя идти наудачу. Козлов разделяет на две группы все содержание нашего сознания: *первоначальное*, или *простое*, *сознание* и *производное*, или *сложное*, *сознание*. К первоначальному сознанию Козлов относит: 1) сознание наших действий и состояний; 2) сознание нашей индивидуальной субстанции, нашего я, или нашего единичного *самосознания*.

Тут и надо искать, по убеждению Козлова, основания для понятия бытия, ибо «производное сознание не может быть источником понятия бытия»⁹. Производное сознание предполагает то, из чего мы образуем понятие бытия, уже как-либо нам данным или известным. Простота сознания означает то, что оно не произведено сложением из каких-либо других фактов или элементов сознания. Это сознание, например, цветов, взятых изолированно, изолированных ощущений (ощущение гладкости или шероховатости). Безотносительность простого сознания означает, что содержание какого-либо факта сознания не стоит ни в каком отношении или связи с другими фактами сознания. Так бывает, когда мы сознаем что-либо без всякого отношения к чему-либо другому, сознаем «о себе». Например, мы осязаем что-либо и одновременно сознаем из самого факта осязания, что мы осязаем. По замечанию Козлова, первоначальность сознания надо понимать не по времени, а по сути.

Если мы чувствуем холод, боль, тепло, неужели для этого нужен кто-то другой, который бы нам сказал, что это мы действуем, что мы видим? Неужели нужен какой-то символ (Козлов говорит “значок”), чтобы мы осознали, что именно мы сами, а не кто-то другой, думаем или воображаем? Неужели для сознания о своем *индивидуальном я* нужно еще какое-нибудь сознание о чем-нибудь другом? По мнению Козлова, всякий знает, что это я есть только в одном и единственном экземпляре в мире и всякому как раз этот единственный экземпляр всего дороже в мире, и всякий знает лучше всех этот экземпляр, так что ничему уже из того, что он в себе заключает, научиться от кого-либо другого не может. Это и есть, по Козлову, неоспоримое свидетельство первоначального сознания о своем собственном существовании, о своей субстанции. Таким образом, наряду с действиями и содержаниями действий, наше я образует третью группу, центральную в нашем сознании¹⁰.

Понятие бытия не принадлежит простому сознанию, но содержит «в основе своей *все три группы этой области*». Элементы трех групп входят в отношения друг с другом и в результате дают несколько новых группировок, среди которых обнаруживается и понятие бытия. Деятельность, посредством которой мы выводим безотносительные элементы из их изолированности, связываем и относим их друг к другу есть мышление. Мышление – это посредник между различными областями сознания, живая сила, приводящая разнообразные области сознания в организованное единство. Это единство организовывается не механически, но путем произведения новых продуктов. В числе продуктов мышления большую роль играют, например, образы и ве-

развернуться полным фронтом; он выслушивает врага с тонкой сократической иронией и хитро заводит его в такие дебри и пропасти, что, очутившись в них, его противник сам ужасается, вполне сознавая в то же время смешную сторону своего положения». «Все дороги ведут в Рим». Козлов и Тейхмюллер идут в философии к одной цели, но «Козлов идет *своей* дорогой». Тейхмюллер – «смелый географ-путешественник», он «дает первый образ неведомой земли». Козлов – «трудолюбивый и спокойный землемер-топограф». (Бобров Е.А. О понятии бытия. С. 5, 49-50).

⁸ Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 41.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 44-45.

щи пространственного мира, чувственные ощущения. В их образовании активно участвует наше я. Отсюда возникает иллюзия, что предметы внешнего материального мира даны нам в непосредственном опыте. Это настоящий «маскарад мышления и фантазии»¹¹.

Однако именно мышление образует, по мысли Козлова, правильное понятие бытия. В своем сознании нами наблюдается постоянное изменение. Но если мы отвлечемся от различия в *содержании* или *объектах* наших деятельностей, то у нас образуется более или менее ясное понятие об отношении этого созерцания к нашим сменяющимся деятельностям. Этому отношению в языке соответствует всеобщая форма постановки этого отношения посредством вопроса «что?». Но понятие об *объекте* или *созерцании* дает нам только «одну сторону понятия бытия». «Другая сторона» есть «понятие о деятельности»¹².

Содержание и деятельность – это два «соотносительных пункта, соединяющиеся через это отношение в единство». Всякое содержание связано с деятельностью и может быть оторвано от нее. Содержание может повторяться и сохраняться, а деятельности – нет. Наши деятельности различены и разъединены временем. Содержания же могут соединяться с различными деятельностями. «Мысля различные во времени деятельности в одном понятии, мы и получаем *другую сторону* понятия бытия, которая означает, что то или другое содержание было действительно объектом какой-нибудь нашей деятельности»¹³. В языке этот момент выражается обычно словами «действительно», «действительность», или вопросами: «кто?», «когда?», «сколько раз?». Содержание представлений «множественно, но каждый член множества есть один и тот же единственный экземпляр во все времена», деятельности же «не только многие, но и множество во времени», они всегда разные. Содержание или объект «нечто безвременное», а деятельности «принадлежат ко времени»¹⁴.

Третья сторона понятия бытия, по Козлову, – это я, к которому относятся содержания и деятельности и в котором они составляют единое целое. Я соединяет со своими деятельностями свой же объект, чем и обуславливается отношение. Без соединения «в я и посредством я не было бы сознания, разума», какими мы их в себе знаем. Каждая деятельность – акт нашего я. В я хранятся продукты прошедших актов и будущих. Поэтому относительно я язык употребляет обе формы глагола «быть» и я никогда не употребляется в языке как предикат, но всегда как субъект¹⁵.

Бытие как *содержание* – «совокупность всех действительных объектов, которые суть результаты деятельности субъекта». Бытие как *деятельность* есть «совокупность всех действительных актов, производящих объекты». Я – это совокупность и единство объектов и деятельностей. Я пребывает в этой совокупности всецело единым и неизменным. Это единство нельзя понимать в смысле целых материальных вещей или механической суммы частей. Ведь я для персонализма – неуничтожимо и неделимо. Все деятельности и созерцания без я суть ничто, поскольку я – это «субстанциальное единство». «Единственным источником для познания этого нашего субстанциального бытия есть самосознание или непосредственное сознание о нашем существе, нашем бытии»¹⁶. По Козлову, о всяком другом бытии мы заключаем только по образцу своего собственного бытия, которое служит для нас архетипом всяческого бытия¹⁷.

Таким образом, Козлов приходит к следующему определению бытия: «Бытие есть понятие, содержание которого состоит из знания о нашей субстанции, ее деятельностях и содержании этих деятельностей в их единстве и отношении друг

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 47-48.

¹³ Там же. С. 48.

¹⁴ Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 50-51.

¹⁶ Там же. С. 52-53.

¹⁷ Козлов А.А. Свое слово. СПб., 1898. №5. С. 42, 43.

к другу»¹⁸. Такое понятие бытия есть «выражение отношений между элементами первоначального сознания»¹⁹, которое включает три группы феноменов, все вместе образующие понятие бытия. Три области сознания, дающие материал для понятия бытия, обнимают все первоначальное сознание и представляют 1) сознание о содержаниях; 2) сознание о деятельности и состояниях; 3) сознание о субстанции, или я. Понятие бытия входит в особую группу сознания – группу сознания о формах и способах отношения между элементами первоначального сознания. Козлов называет формами и способами отношения элементов первоначального сознания то, что обычно именуется категориями. Поэтому сюда философ относит и категории «тождества», «различия», «действия», «страдания», «причины», «следствия» и др.²⁰

Сознание я, деятельностей и содержаний – все это понимается Козловым как *сущее*. Понятие бытия «предполагает нас самих как *сущее*, ибо только сущему *достоинно* сущее, только у него оно опирается на *прямое сознание своей субстанции*»²¹.

Однако Козлову можно возразить в том, что он произвел дедукцию понятия бытия, но ничего не сказал о самом бытии. Нам важна сама реальность, действительность, а не только ее понятие. Необходимо не только понятие, но и то, что понимается в понятии.

На это требование Козлов дает свой ответ: во-первых, на вопрос «что это?» нельзя ответить ничем иным, кроме понятия²². Во-вторых, это требование включает в себе невозможное: хотите, чтобы «я вам *показал, выложил* или *произвел* бытие!»²³, – восклицает философ. Бытие как реальность не может иметь источником нас самих. Это бытие нам дано, мы его *преднаходим*, а не *творим* из ничего. Действительность должна быть дана в сознании до всякого спора о ней. Но из этих данных, находимых в сознании, можно строить понятие бытия. Что означают слова «*это действительность или сущее*»? Понятие действительности, как и всякое знание, есть «результат *сравнения, соотнесения* одних пунктов сознания с другими и *подведения* их под какую-то точку зрения»²⁴. Слово «*эти*» указывает, что различные действительности сравнены, различены, разделены мышлением на роды и виды. Слово «*суть*» – это мысль, в которой мы признаем, что то, что называем действительностями, было и может быть предметом наших реальных, непосредственно сознаваемых деятельностей и что совершалась и совершается координация этих деятельностей с их объектами или содержанием в единстве моего я и я других существ. Поэтому «спор о действительности невозможен без того, что действительность как-либо дана *предварительно* в сознании, а потому и может быть различаемо, понимаемо и утверждаемо, как действительность, в отличие от чего-либо мнимого»²⁵.

Простое сознание, по мысли Козлова, предшествует мышлению и знанию. «Это *предварительно* данное сознание есть само по себе нечто *невыразимое* и *несказанное*»²⁶. Оно не есть результат мышления. Непосредственное сознание обще «нам вместе с детьми и животными и существенно отличается от созерцаний, умозаключений, суждений, понятий, вообще внешних элементов сознания»²⁷. Дети, животные не переходят от *сознания* бытия к *знанию* о бытии. Они не могут мыслить, у них отсутствуют категории или точки зрения, с которых у людей совершаются акты мышления. Но если человек может не знать о родах и видах, о причинах существования, то «...*что такое существовать*, он может узнать по самому себе и *даже только* по самому себе!». »

¹⁸ Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 53.

¹⁹ Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге // ВФП. 1895. Кн. 30. С. 564.

²⁰ Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 53.

²¹ Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге // ВФП. 1895. Кн. 30. С. 564.

²² Козлов А.А. Свое слово. №3. С. 68.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 70-71.

²⁶ Козлов А.А. Свое слово. №3. С. 71.

²⁷ Там же. С. 72.

Всякий человек «...сознает это прямо или непосредственно и уже на этом прямом *сознании строит знания или понятия* о существовании или бытии вообще и прилагает к вопросу о бытии всяких других существ»²⁸. Наше «*сознание само по себе несказанно*, т.е. не может принять форму суждения и, конечно, может принадлежать и иметь смысл только для того, *кто сам существует*, а потому оно неизбежно *индивидуально* или находится в обладании каждого существа или субстанции. *Понятие же бытия*, подобно всем другим понятиям, может быть общим и всегда имеет тенденцию стать таковым и, следовательно, формулироваться однообразно всеми или многими, мыслящими его, существами»²⁹. Причем совсем неважно, правильно будет понятие бытия или ложно, ибо есть и будут общераспространенные ложные понятия. Среди людей это самое обычное явление. Впрочем, замечает Козлов, «*понятие бытия, построенное на действительных данных сознания*, никогда не может быть *ошибочным вполне*, т.е., во всех своих элементах»³⁰.

Это очень важный момент в учении Козлова о понятии бытия. Он позволяет русскому философу избежать распространенной ошибки отождествления мышления и бытия. Для Козлова помимо мышления «всегда есть еще какой-то плюс». Он всегда остается немислимым и по отношению к познанию есть «*нечто несказанное, предел, граница или сфера пустых возможностей*». Но ничто не мешает этим пустым возможностям, по отношению к познанию, быть на самом деле «*нечто*, которое для познания уже не есть мир»³¹. Это нечто есть «...*трансцендентное*, т.е. не подлежащее мысли и познанию». Если для нашего познания оно «*ничто*, но ничто не абсолютное, а относительное». Не абсолютное ничто противостоит бытию, а «*ничто для познания* или идея о чем-то *несказанном*, на которую натывается познание в своем процессе как на всюду преследующий ее *предельный знак*: “до сих пор и не дальше”»³². Несказанное выражается не только в понятии бытия, но и в понятии субстанции, непротяженного пункта времени, пространства. Таким образом, по мысли Козлова, ничто есть «*коррелятив не понятия бытия вообще, а понятия о том или другом бытии, определенном или квалифицированном*»³³.

Понятие бытия, по своей крайней общности, замечает Козлов, «...не указывает ни на какое определенное содержание; в нем еще слиты *возможность с действительностью*: поэтому оно есть только *необходимый элемент* всякого мышления и *формальное условие* единства познания. В понятии бытия мыслится неподлежащий определению субстрат всяческих определений, или иначе, оно есть выражение того узла, где завязывается какое бы то ни было определение и познание»³⁴. В понятии бытия мыслится только «*всеобщая основа* и известного и неизвестного; и познаваемого и непознаваемого; и того, что действительно входит в сознание, и того, что остается по ту сторону его и представляет одну чистую возможность»³⁵. Обозначая одно неопределенное нечто, понятие бытия есть форма, в которую может войти и действительно входит действительность. Хотя бытие, в отвлечении от мира, есть «*для нас ничто*, конечно, относительное, ибо *чистое ничто немислимо вовсе* и есть фальшивое овеществление относительного понятия *не*, или категории *отрицания*»³⁶. «*Понятие бытия* и его основные схемы, как продукт объединяющей функции познавательной деятельности, есть только *condition qua non* возможного единства и связи вещей (ибо иначе

²⁸ Козлов А.А. Свое слово. №5. С. 42-43.

²⁹ Там же. С. 43.

³⁰ Там же.

³¹ Козлов А.А. Философия действительности. Киев, 1878. С. 112-113.

³² Там же. С. 118.

³³ Там же. С. 113.

³⁴ Козлов А.А. Философские этюды. СПб., 1876. Ч. 1. С.23.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

было бы не одно мышление, а разные, ничего общего между собой не имеющие, т.е. каждое *sui generis*)»³⁷. Иначе, как думает Козлов, было бы «в мышлении два понятия *бытия*, мыслимых различно, следовательно, одно из них было бы *бытие*, а другое уже не *бытие*, т.е. тождества не было бы, а противоречие». Поэтому только та философия может отождествлять мир и бытие, для которой «...все существующее *eo ipso* наполняет или может наполнить сферу познания, которая не признает ничего непознаваемого, ничего стоящего вне мира объектов познания»³⁸. В этом отношении сходятся крайний материализм и гегельянство, а между ними и персонализмом не может быть никакого согласия³⁹.

Итак, по мысли Козлова, бытие, или *есть*, – это «непознаваемый, выходящий из мира полюс», или «*высшая категория мышления*, а *præiōi* предшествующая всем самым простейшим процессам познания»⁴⁰.

Однако нужны еще дополнительные различия. Не только в обыденном, но и в философском языке сплошь и рядом встречается недифференцированное использование понятия *бытия* и понятий *мира* и *природы*, *вселенной*, *сущего*, «...между тем как в этих понятиях есть существенное различие». Это различие, замечает Козлов, становится ясным из тех немногих случаев, где мы, хотя бы и бессознательно, затрудняемся употребить один термин вместо другого. Например, мы говорим «бесконечный мир», но «бесконечная природа» сказать уже неловко. «Далее мы, например, употребляем, хотя бы и фигурально, выражения «мудрая природа», но уже решительно не обмолвимся выражениями «мудрый мир» или «мать вселенная»»⁴¹.

Понятие *мира*, по мысли русского персоналиста, шире понятий *природа* и *вселенная* и обнимает их. *Вселенная* есть «мир, рассматриваемый с его пространственной стороны; в понятии вселенной мы мыслим только сумму, агрегат всех вещей, составляющих мир и наполняющих пространство, отвлекаемся от движения, процессов, во-

³⁷ Там же. С. 28.

³⁸ Там же. С. 23.

³⁹ Основное расхождение метафизического персонализма с философией Гегеля в вопросе о бытии состоит в том, что для Гегеля *бытие* и *ничто* – одно и то же. Такое отождествление, по мнению Козлова, происходит оттого, что у Гегеля от бытия не осталось ничего, кроме познания, а от познания – ничего кроме понятия. В конструировании понятия бытия Гегель исходит только из содержания сознания. В этом Козлов находит родство Гегеля с платонизмом и считает, что реальное самосущее понятие Гегеля – это идея Платона. Гегель «*систематически* провел Платонов идеализм». Платон ведет речь о родах и видах идей, Гегель – о фазах и ступенях одного понятия. Философия Гегеля *злоупотребляет метафорой*. Понятие Гегеля развивается, по мнению Козлова, из опыта, путем привнесения фактов. Гегель признает материю реальным и деятельным принципом. *Антитезис* у Гегеля должен быть только отрицанием, но «тихомолком за ним признается реальность, положительное ничто». Антитезис всей системы Гегеля – природа, т.е. вполне реальное. Поэтому легко превратить систему Гегеля в сенсуализм и материализм, что продемонстрировал Фейербах. Чистое бытие у Гегеля – пустое слово, поэтому оно отождествляется с ничто. Однако, как тогда мыслим переход между ними? Получается не движение, но «*бесплодное топтание* в абсолютно пустом месте». Гегель видел бытие только в объектах или содержании сознания. Понятие бытия он получает абстракцией, а не приведением в отношение и единство трех пунктов простого сознания. Но отвлечение не ведет к ничто. Всегда «*остается сознание* о моем я, которое не мыслит содержание, ибо не хочет его мыслить, совершая *внутренний эксперимент*». Отвлечение – это *акт мышления*. Бытие не может быть тождественно ничто, переходить в ничто. Бытие – это «*единственное условие* для самой мысли о ничто». Гегель же «*реализовал* ничто, дал ему положительный характер». Однако ничто всегда «*только отрицание*». Нет абсолютного ничто, но только относительное. В этом Козлов видел вечную правду Парменида: только бытие есть, небытие же не есть. Таким образом, бытие не есть абстракция и не тождественно ничто. (Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 94-103).

⁴⁰ Козлов А.А. Философские этюды. Киев, 1880. Ч. 2. С. 162; он же. Философия действительности. С. 157.

⁴¹ Козлов А.А. Философские этюды. Ч. 1. С. 9.

обще перемен, происходящих в мире; иначе говоря, понятие вселенной имеет в виду мир со стороны *статики*, т.е. вещи или явления в отвлечении от времени, так сказать, окаменелые, не подвижные»⁴².

В понятии *природы* «мы мыслим динамическую сторону мира, мыслим его процессуальность, движение, одним словом, мир в данном времени»⁴³. В понятии *природы* оставляются в стороне пространственно-временные границы мира, а мыслится преимущественно единство существующих явлений или вещей в каком-либо данном времени. При этом понятие *природы* должно быть взято в широком и истинном его смысле, т.е. так, что природой обнимается вся полнота явлений, не исключая, например, и явлений духовной и общественной жизни. В этом смысле природа есть не только носитель действительных явлений, но и основа возможных. Поэтому и «неловко сказать “бесконечная природа”, ибо в природе мыслится именно связь и единство вещей во всякое данное время, без отношения к беспредельному протяжению их в пространстве и времени»⁴⁴. Иное дело бесконечность мира. Она непременно мыслима, ибо и при мысли о прекращении мирового процесса, т.е. когда собственно мыслится прекращение природы, мир все-таки может быть мыслим как безразличная, но неуничтожимая субстанция, например, как косная материя.

Значит, понятие мира, по мысли Козлова, совмещает в себе понятие вселенной и природы, в которых отдельно мыслится статические и динамические стороны мира. Конечно, замечает философ, «в повседневном употреблении язык может находить примеры, которые, по-видимому, уничтожают это различие понятий; но смешение понятий в употреблении языка есть для людей дело самое обычное и нисколько не опровергает их основного различия»⁴⁵.

Понятие *сущего* отличается от понятия *мира*, по мнению Козлова, главным образом, тем, что в понятии *сущего* нет ударения на объективность, данность вещей и предметов, а в понятии *мира* заключается это ударение⁴⁶.

Философия изучает все существующее, но «все ли сущее составляет мир, иначе покрывается ли понятием мира понятие бытия?»⁴⁷. Понятие бытия есть только «необходимый элемент всякого мышления и формальное условие единства познания». Но понятие мира уже предполагает вещи, действительность, не нечто вообще, а нечто, ставшее объектом. Мир может быть мыслим исчезнувшим, а бытие при этом мыслится остающимся. Но, как скоро философия признает нечто вообще сущее (называя его безусловным, идеей, вещью в себе и пр.), как непознаваемую возможность, то для нее бытие распадается на действительное, или познаваемое, и трансцендентное, или непознаваемое. Первое покрывается понятием мира, второе нет. Правда, Козлов упрекает философов за то, что они «не всегда бывают последовательны в этом отношении и, признав непознаваемое, трансцендентное бытие, все таки утверждают о нем нечто положительное, руководствуясь обыкновенно не научно-философскими мотивами и источниками, и при этом называют трансцендентное бытие трансцендентным миром; но в таком случае они сами подрывают свое понятие трансцендентного бытия и оно тотчас сливается с бытием данным, входящим в понятие мира»⁴⁸.

Другое различие понятий *бытия* и *мира*, по мысли Козлова, состоит в том, что «мир не может быть предметом философии, если мыслить его как *готовое целое в себе*, как где-то и как-то законченный синтез бесконечного ряда мировых состояний, одним словом, как абсолютно замкнутое существо». Это будет «фантастическое представление». «Мир это целое, состоящее из вещей, явлений, событий, не синте-

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 9-10.

⁴⁵ Там же. С. 10.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 23.

⁴⁸ Козлов А.А. Философские этюды. Ч. 1. С. 24.

зированных, а ждущих своего синтеза в нем (в сознании нашем), т.е. в той же области, где эти вещи, явления, события *суть* как такие и где в понятии бытия готова *всеобъемлющая форма*, могущая вместить их в каком бы то ни было *действительно данном количестве*⁴⁹. Однако форма не гарантирует *«действительного синтеза, но указывает на возможность его»*. Такая возможность единства и связи вещей содержится в понятии бытия.

Но одного понятия бытия недостаточно для синтеза мира. Действительное единство и связь должны быть констатированы, по мысли Козлова, *«действительным и истинным актом мышления, при соблюдении основных нормативных законов мышления, соблюдении, которое и есть единственное ручательство за саму действительность и истинность совершения этого акта и за благонадежность его результатов»*⁵⁰.

Законы мышления суть та *«вечно зияющая пропасть, которая грозит поглотить философа, имеющего под влиянием естественных влечений достаточно смелости, чтобы приблизиться к самому краю пропасти, но не имеющего достаточного самообладания, чтобы удержаться на этом краю и не ухнуть в бездну фантастики, или же безмыслия»*⁵¹. «А между тем – замечает русский персоналист, – последний момент для того акта мышления, посредством которого может быть добыта связь и единство вещей, т.е. истинное понятие мира, только и может быть совершен на краю этой пропасти»⁵². Поэтому для истинного философствования недостаточно только *«доброй воли общечеловеческих функций познания»*, нужны еще талант, гений, чтобы *«в едином акте мышления обнять все разнообразие конкретного бытия, нужна мощь твердой воли, чтобы оставивши безопасную почву конкретных представлений, стать твердой ногой на краю пропасти и, не увлекаясь субъективным миражем, рисуящим в ее глубине роскошные места отдохновения, окончить, так сказать, на этом выступе скалы многотрудный акт мышления – всех вещей за едино...»*⁵³.

Мир не есть объект возможного опыта, т.е. не может быть дан в конкретном созерцании подобно единичным вещам. Поэтому надо вполне отказаться от фантастического поползновения созерцать его в синтетическом единстве, подобно тому, какие помимо нашей сознательной воли и усилий дает нам в конкретном созерцании вещей и явлений одна и та же в нас и в вещах природа. Это редкий случай, когда Козлов соглашается (*«вне всякого сомнения»*) с Кантом. Подлинной задачей философии было и всегда будет построение понятия мира из данных материалов при помощи данных субъективных форм. Философы, по убеждению Козлова, всегда исходили из этих данных, как бы они нас не уверяли в противном, то есть исходили из эмпирического содержания сознания, пытаясь связать это содержание единством по сущности, по происхождению и т.п. Русский персоналист убежден, что тот, кто отвергает возможность построения понятий мира, тот отвергает возможность философии, отказывается от реального единства познания, от удовлетворения живой потребности иметь прочные основания для нравственности, которые могут опираться только на какое-либо миро-созерцание. *«...Скептицизму ни разу не удалось вырвать из человеческой души всех корней, к которым прикрепляется надежда на это однообразие. По крайней мере, оплотом против крайнего скептицизма всегда будет формальная, объединяющая функция мышления, приводящая всякий элемент сознания к одной, общей основе, бытию вообще»*⁵⁴. Как верит Козлов, *«страшная пропасть между живым, т.н. разумным миром и живым неразумным, можно сказать, совсем наполнилась»*, как и *«пропасть между миром живым и мертвым»*, между *«веществом и духом»* и до такой степени, что *«недалеко может быть то время, когда мы сказание о них порознь будем считать сказанием об одном и том же предмете, только на разных языках»*⁵⁵.

⁴⁹ Там же. С. 28.

⁵⁰ Там же. С. 29.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 31.

⁵⁵ Там же. С. 32.

Возможность появления новых явлений не страшна для философии. «Они всегда могут войти в рамку нашего мира и какие-либо связи с другими, прежде бывшими элементами того же сознания, ибо в противном случае эти новые явления для нас все бы и не *могли быть*. Только то не может войти в общую систему вещей, в понятие мира, что не может стать предметом мысли и представлять только одну пустую возможность, которая для нашего познания все равно, что *ничто*»⁵⁶.

Итак, понятие бытия вообще и понятие мира не могут и не должны, как, например, у Фейербаха, смешиваться, отождествляться или заменять собой друг друга. Философия оказывается, по словам Козлова, не наукой о познании бытия, но наукой о познании мира, ибо «иначе она была бы познанием о голых возможностях, число которых бесконечно и которые все вместе и каждая порознь представляют *ничто* для познания»⁵⁷. Предметом философии всегда может быть только один мир, то есть «*все вещи известные или познаваемые*»⁵⁸.

В понятии бытия мы, вслед мысли Козлова, приходим к признанию двух миров: известного и неизвестного, которой может быть известным. При этом они не разобщены непроходимой пропастью, как в кантианстве. Общий их признак – познаваемость человеком, они «для него как-нибудь определенно *суть*». Отказаться от этой задачи философия не может, «пока не будет достоверно доказана *невозможность* единства и связи познанных вещей», а для такого доказательства «нужно было бы *абсолютно закончить* человеческие знания». Другое дело, если философия предполагает нечто, чему собственно нет имени (но что, впрочем, у философов носило разные имена, в сущности ничего не выражающие или имеющие отрицательный смысл). Речь идет о *трансцендентном мире*, или, как говорит Козлов, о понятии бытия⁵⁹. В этом понятии русский философ надеется обрести центр всех наук, который всего достовернее и дает достоверность всем наукам, сам всегда оставаясь за их пределами⁶⁰.

Какова, однако, природа того акта мышления, которым мы осуществляем синтез мира, пользуемся и руководствуемся понятием бытия? Козлов думает, что это есть нечто иное, как *интеллектуальная интуиция*. Источник идеи бытия в интеллектуальной интуиции. Интеллектуальная интуиция и есть тот акт, который соотносит друг с другом различные элементы непосредственного сознания и соединяет их в одно неразрывное целое⁶¹. «Понятие бытия есть продукт *интеллектуальной интуиции*, возникающей при всяком непосредственном сознании деятельностей с их содержаниями и при сознании обнимающей эти деятельности и содержания нашего я»⁶². Никакого другого понятия бытия, кроме интеллектуального, по убеждению Козлова, и быть не может. Поэтому вновь неправ Кант, когда он отрицал интеллектуальную интуицию, допуская только интуицию чувственную⁶³. К сожалению, специ-

⁵⁶ Там же. С. 32-33.

⁵⁷ Там же. С. 33-34.

⁵⁸ Там же. С. 35.

⁵⁹ Там же. С. 36-37.

⁶⁰ Там же. С. 37.

⁶¹ Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // ВФП. 1894. Кн. 25. С. 666-667.

⁶² Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге // ВФП. 1895. Кн. 30. С. 563.

⁶³ Там же. С. 564. Кант, по мнению русского философа, специально не занимался проблемой бытия как такового. Кант определяет бытие как «положение вещи» и понятие бытия как «опытное понятие». Объяснение Канта, что «положение» ничего не значит, или что положить вещь вовсе не означает думать про нее ту особенность, которая составляет самый важный момент, когда мы спорим о существовании, только разочаровывает. По Канту, когда мы говорим «*что-то есть*», то этим «*есть*» ничего не прибавляем к этому «*что-то*», как, например, в случае Бога. Ведь для Канта все равно сказать, что Бог *есть* или высказать *мнение* о Нем. О том же свидетельствует нашумевший пример о ста талерах. Реальный признак бытия, по Канту, состоит в том, что вещь, в которой этот признак утверждается, доступна чувственному опыту или прямому выводу из него. Только в этом случае его опровержение онтологического доказательства будет верным. «Но тогда оно похоже на опровержение теперь нередко встречающихся

альной разработки учение об интеллектуальной интуиции у Козлова не получило. Он только указал *то место*, где следует ей располагаться и основную *задачу*, которую ей следует выполнять.

Теперь мы попробуем суммировать в отрицательной форме понимание бытия в философии А.А. Козлова. Бытие не есть факт или опыт, тем более не есть ощущение или непосредственное чувство. Бытие не тождественно мышлению, познанию. Бытие не есть бессознательное, так как персонализм отрицает бытие абсолютно бессознательного⁶⁴. Бытие не абстракция, не пустое слово. Бытие не тождественно абсолютно ничто. Бытие не есть только субстанция или только акты субстанции, или содержание деятельностей субстанции. Бытие не тождественно природе и миру. И, конечно же, менее всего бытие есть материя.

Стоит особо остановиться на отрицании тождества бытия и причинности, потому что этот момент в понимании бытия вызвал существенные разногласия между А.А. Козловым и Л.М. Лопатиным. Лопатин считает, что Гегель прав, представив бытие как высшую абстракцию, которой нельзя дать никакого определения⁶⁵. Для Лопатина бытие есть, в первую очередь, факт *«наличности, данности, положения»*. Признавая бытие вещи, мы ее *«полагаем мысленно, ставим перед нашим сознанием»*. Это *«некоторый субъективный умственный акт утверждения данного предмета»*⁶⁶. Бытие предмета в мысли есть прямое выражение такого акта. То, что дано в нас как мысль о предмете, мы *«предполагаем данным помимо нас»*. Что же такое *«данность независимо от нас, как ее можно мыслить»*? В утверждении бытия предмета, предполагает Лопатин, нельзя обойтись без мысли, что это утверждение совершенно не только в нас, но и вне нас. Всякое бытие выражает в себе полагающий акт. В сущности понятия бытия заключается *«отношение между полагаемым актом, как источником или основанием и данной наличностью существующей вещи, как его действием»*, *«без действования немислимо бытие»*. Данное бытие есть осуществление акта; *«слово бытие только и обозначает действительность или отношение к действию в самом общем*

школьников, которые самоуверенно отрицают Бога потому только, что Его нельзя видеть или осязать». По Канту получается, что если я имею чувственный опыт о вещи, я прибавляю к вещи некое содержание. Если, однако, я выскажусь о вещи и прибавлю еще высказывание, то не увеличу ее содержания. *Есть* – предикат не вещи, а мысли о вещи, поэтому к слову *есть* требуется мысленная добавка, что предмет мысли дан чувственному опыту, иначе слово *есть* – пустое слово. Для Канта существует лишь то, что подпадает под категорию действительности, т.е. под условия опыта или ощущения. Это ничем не отличается от понимания бытия Юмом. По Юму, бытие – идея о том, что мы разумеем существующим. Идея вещи ничего не прибавляет к вещи. Слово *бытие* для Юма – пустое слово. Но *«зачем же это ничего не означающее слово присоединяется ко всем перцепциям»*, отчего *«мы не довольствуемся обозначить, например, то особое состояние, знакомое только обладающему зрением, словом «красное», но прибавляем непременно к этому слову есть? Что мы хотим сказать этой прибавкой слова есть?»*. Юм не дает ясного ответа. По Канту получается, что нет понятия о бытии вещи, это мнение или иллюзия. Поэтому Кант не мог опровергнуть онтологического доказательства бытия Бога, поскольку для него *«самая мысль о Боге невозможна»*. Возможность для Канта есть то, что подлежит условиям пространства и времени. Бог не может подлежать этим условиям, значит Он – невозможное, немислимое и совершенно противоречивое понятие. *«Совершеннейшее существо»* у Канта оказывается в противоречии с его теорией познания и теоретической философией. Как думает Козлов, на роль понятия бытия у Канта могла претендовать только вещь-в-себе. Русский философ удивляется, почему Кант не увидел, что понятие Бога в доказательстве Ансельма есть его собственная, кантова, вещь-в-себе. Отвергая онтологическое доказательство Кант тем самым отвергал свою концепцию вещи-в-себе. (См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. М., 1994. Т. 3. С. 452-455; Юм Д. Сочинения в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 123-125, 150; Козлов А.А. Свое слово. №2. С. 5, 14, 21-32; он же. Философские этюды. Ч. 2. С. 170; он же. Философия действительности. С. 165. Ср.: Тейхмюллер Г. Действительный и кажущийся мир. Казань, 1913. С. 27-34).

⁶⁴ Козлов А.А. Свое слово. №5. С. 124.

⁶⁵ Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. М., 1891. Т. 2. С. 224.

⁶⁶ Там же. С. 226.

смысле». Положение, данность – «очень общие обозначения действия и результатов действия». Нельзя мыслить то, что лишено активности. Действенная реализация мощи – «бытие, осуществление силы»⁶⁷. Подлинное бытие «всегда есть существование, т.е. самоутверждение существа»⁶⁸. Таким образом, для Лопатина бытие тождественно действованию. А так как все существующее есть источник действий, то все существующее имеет причину. В философии Лопатина закон причинности становится всеобщим и необходимым⁶⁹. На этом основании Лопатин критикует Козлова за то, что последний «не дал определения бытия в его общечеловеческом значении», но «дал определение истинно-сущего в метафизическом смысле». Мы, по замечанию Лопатина, не только о «духовной субстанции говорим *есть*, но и о деньгах»⁷⁰.

В ответ Козлов не без основания обвиняет Лопатина в дуализме, поскольку он путает вопрос о бытии и вопрос о материальном бытии, отождествляет бытие и действование, бытие и причинность⁷¹. «...Проектированные понятия и образы духа и материи как бы ведут между собой борьбу за причинность и значение в мире всего существующего, в то же время признавая взаимно право друг друга и на существование, и на причинность»⁷². В понятии бытия у Лопатина допускается презумпция материализма, поскольку «факты существуют сами по себе»⁷³. Таким образом, для Козлова позиция Лопатина слишком материалистическая, дает слишком много шансов мыслить материю как реально существующую вещь и источник понятия бытия. И в этой критике надо признать справедливость подозрений Козлова. Метафизический персонализм не должен оставлять никаких лазеек материализму.

На мой взгляд, учение о бытии и Козлова есть попытка персоналистически разработать знаменитые гипотезы Платона. «Ни один из современных философов не вышел за пределы задачи, поставленной Платоном в «Пармениде»»⁷⁴. Только Платон берет всю проблематику как чисто эйдетическую и разрабатывает ее диалектическим методом. Персоналисты разворачивают сходную проблематику на основании наличных данных сознания нашего я и осуществляют ее в сфере человеческой интеллигенции. Может быть, не случайно с ними солидаризировался в свое время А.Ф. Лосев, оговорившись только на счет опасности возможного здесь психологизма и субъективистической метафизики⁷⁵.

Метафизический персонализм Козлова покоится на незыблемом онтологическом оптимизме. Первичность бытия совершенно несомненна и непоколебима никаким скепсисом и отрицанием. «Мы от бытия никуда не скроемся»⁷⁶. Бытие есть всецелое благо. Можно только о наличном мире спорить, хорош он или плох. О бытии такой спор бессмыслен. Спрашивать, хорошо ли бытие, бессмысленно, ибо лукаво допускается какое-то *другое бытие* или овеществляется и абсолютизируется *ничто*⁷⁷. Пессимизм или самодовольство возможны только по отношению к миру, каким мы его застаем или каким он нас настигает. Поэтому ни пессимизм, ни житейское самодовольство никогда не будут абсолютными. Единственно бытие абсолютно и по отношению к бытию мыслим только абсолютный оптимизм⁷⁸. Не случайно, понятие бытия сравнивается с понятием Блага Платона и с Единым Парменида. Да что там какие-то

⁶⁷ Там же. С. 228-229.

⁶⁸ Там же. С. 251.

⁶⁹ Там же. 234-236.

⁷⁰ Там же. С. 230.

⁷¹ Козлов А.А. Свое слово. №5. С. 138, 142.

⁷² Там же. С. 142.

⁷³ Там же. С. 144.

⁷⁴ Тейхмюллер Г. Действительный и кажущийся мир. С. 6.

⁷⁵ Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995. С. 186-188. Прямые ссылки на тексты Лотце, Тейхмюллера, Козлова, Боброва и Озе.

⁷⁶ Козлов А.А. Свое слово. №5. С. 101.

⁷⁷ Козлов А.А. Философия действительности. С. 134.

⁷⁸ Там же.

Благо и Единое! В истории философии мы постоянно встречаемся с фактом отождествления понятия бытия с понятием Бога⁷⁹. И все богатство столь мощного бытия, вместе с его понятием мы носим в себе самих, в своем собственном я. Поэтому Козлов решительно призывает – «твердо *пребудем* в бытии, не бросаясь из него в ничто...»⁸⁰. Остается только согласиться с ним, что понятие бытия есть «*сущность, экстракт*»⁸¹ всей персоналистической метафизики.

Список литературы

1. Бобров Е.А. О понятии бытия. Казань, 1898.
2. Прасолов М.А. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. СПб.: Астернон, 2007.
3. Козлов А.А. Свое слово. Киев, 1889. №2.
4. Козлов А.А. Свое слово. Киев, 1890. №3.
5. Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 30.
6. Козлов А.А. Густав Тейхмюллер // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 24, 25.
7. Козлов А.А. Свое слово. СПб., 1898. №5.
8. Козлов А.А. Философия действительности. Киев, 1878.
9. Козлов А.А. Философские этюды. СПб., 1876. Ч. 1.
10. Козлов А.А. Философские этюды. Киев, 1880. Ч. 2.
11. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. М.: Изд-во «Чоро», 1994. Т. 3.
12. Юм Д. Сочинения в 2 тт. М.: Мысль, 1996. Т. 1.
13. Тейхмюллер Г. Действительный и кажущийся мир. Казань, 1913.
14. Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. М., 1891. Т. 2.
15. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995.

THE BEING AND THE WORLD: THE ONTOLOGY OF A. A. KOZLOV'S METAPHYSICAL PERSONALISM

M. A. Prasolov

*Voronezh State
Architectural
and Building University*

*e-mail:
prasolovm@mail.ru*

The proponent of Russian metaphysical personalism, A.A. Kozlov, approaches the concept of the being as a network of interrelationships between three elements of consciousness: awareness of action and states, that of the essence of actions and states, that of the substantial Self. Kozlov distinguishes the notion of the being, the world and the reality. The being cannot be identical with nought, which is why Kozlov criticizes the Hegelian ontology. In Kozlov's philosophy, the concept of the being is an ontological optimism. This is a personalistic elaboration of the hypotheses of the dialogue "Parmenides" by Platon.

Key words: being, consciousness, world, reality, substance, Self, metaphysical personalism.